

Филатов Тимур Валентинович

ЕЩЕ РАЗ О СМЫСЛЕ ВОПРОСА "В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?"

Статья посвящена критическому анализу концепции смысла вопроса "В чем смысл жизни?", предложенной А. К. Секацким. Автор приходит к выводу, что негативное отношение к проблеме смысла жизни в современной феноменологической философии связано с осознанием объективного отсутствия означенного смысла, которое сопровождается пониманием неуместности любых позитивных ответов на соответствующий вопрос.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 196-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

10. Салимгареев М. В., Суслов А. Ю. Актуализация курса отечественной истории в вузе // Мир образования – образование в мире. 2011. № 2 (42). С. 27-31.
11. Суслов А. Ю. Историческая память и диалог культур: итоги работы научной школы в Казани // Клио. 2012. № 10 (70).
12. Суслов А. Ю. Модернизация России и социалисты в первой трети XX века: проблемы исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 1. С. 190-192.
13. Суслов А. Ю. Новая публикация документов судебного процесса над социалистами-революционерами 1922 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 2. С. 182-184.
14. Суслов А. Ю. Постреволюционная история эсеров и меньшевиков в оценках социалистической эмиграции // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. Серия «Гуманитарные и педагогические науки». 2011. № 3 (71). Ч. 2. С. 174-179.
15. Суслов А. Ю., Морозов К. Н. Библиографический справочник по истории неонароднических партий России: концепция и структура // Вестник Казанского технологического университета. 2008. № 4. С. 165-167.
16. Суслов А. Ю., Салимгареев М. В. К проблеме актуализации курса отечественной истории в технологическом университете // Инновации в образовании. 2011. № 5. С. 103-109.
17. Сусллова Р. А. Культура и антропологический кризис: современное понимание // Credo new. 2011. № 3. С. 201-205.
18. Хамматов Ш. С. Из истории высшего образования в Казани: преподавание истории средних веков в Казанской духовной академии // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 298-304.

THE RUSSIAN AND WORLD HISTORY PROBLEMS IN THE WORKS OF SCIENTISTS FROM KAZAN' NATIONAL RESEARCH TECHNOLOGICAL UNIVERSITY

Suslov Aleksei Yur'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Kazan' National Research Technological University
plusha131@mail.ru

The author analyzes the contribution of the historians from Kazan' National Research Technological University to the study of various problems of native and general history in recent years, considers the most prominent publications in the Russian and foreign editions, and pays considerable attention to the organization of scientific events, particularly conferences and schools.

Key words and phrases: historical memory; interaction of cultures; stoic heritage; Great Patriotic War; modernization; Socialist-Revolutionary Party; Mensheviks; historiography.

УДК 128

Философские науки

Статья посвящена критическому анализу концепции смысла вопроса «В чем смысл жизни?», предложенной А. К. Секацким. Автор приходит к выводу, что негативное отношение к проблеме смысла жизни в современной феноменологической философии связано с осознанием объективного отсутствия означенного смысла, которое сопровождается пониманием неуместности любых позитивных ответов на соответствующий вопрос.

Ключевые слова и фразы: смысл жизни; смерть, «реакция Лихачева – Лосева» (РЛЛ); вопрос о смысле бытия; христианское «спасение»; слова Ницше «Бог мертв»; онтическое и онтологическое.

Филатов Тимур Валентинович, д. филос. н., профессор

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
tfilatoff1960@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ О СМЫСЛЕ ВОПРОСА «В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?»[©]

Непосредственным поводом к написанию данной статьи стало знакомство с работой А. К. Секацкого «Смысл вопроса “В чем смысл жизни?”» [18], опубликованной в сборнике «Изыскания» [17] в 2009 году. Учитывая фундаментальность и историческую значимость соответствующей философской проблематики, переходящей вследствие своей седой древности в определенную степень избитости, нельзя не отметить своеобразие мышления Секацкого на эту тему, подобное свежей струе в зарастающем водорослями пруду.

Задача настоящего исследования: вскрыть истоки агрессивно-негативного отношения современных представителей феноменологической традиции в философии к вопросу о смысле жизни.

«Вопрос, о котором пойдет речь, имеет характер универсального теста, – указывает автор. – Отношение к нему (а отнюдь не ответ) делит потенциальных респондентов на две части своеобразным интеллектуальным барьером: по одну сторону оказываются *ответственные мыслители* и просто люди обладающие вкусом,

которые морщатся, когда им приходится “на полном серьезе” сталкиваться с требованием сказать, *в чем же все-таки состоит смысл жизни* <...>. По другую сторону, соответственно располагаются люди, впадающие в экстаз и в глубокую задумчивость. Ведь они, эти люди, искренне полагают, что “мучительные поиски смысла жизни” составляют саму суть человеческого предназначения <...>. Если ответственный мыслитель вдруг, на голубом глазу, преодолевает барьер без какого-либо видимого смущения и начинает выдавать рекомендации касательно смысла жизни, смущение оставшихся коллег, тех, кто продолжает держаться в рамках, резко усиливается. Проанализировать спектральный состав горестного чувства остающихся, сохраняющих верность вкусу не так-то легко: тут и снисходительность, и раздражение, и ощущение сбывшегося кошмара, и много еще всякого разного... но вкратце вердикт понятен: пересечение барьера без кавычек и оговорок означает впадение в маразм. Так же, как и при диагностике венерических заболеваний роль одного из решающих тестов выполняет “реакция Вассермана”, в нашем случае можно говорить о “реакции Лихачева – Лосева” (РЛЛ). Что бы там ни говорили про жизненную умудренность или про подвиг учительства, <...> суть дела это не меняет. Если тест на РЛЛ показал положительный результат, значит, речь уже более не идет о слове философа или слове мыслителя» [18]. И еще: «В многочисленных книжках с зачаровывающим названием «В мире мудрых мыслей» можно встретить едва не весь пантеон известных мыслителей, но подборка в целом не оставляет сомнений: решающая роль тут принадлежит Альцгеймеру и Паркинсону» [Там же].

Иначе говоря, обращение философа к проблеме смысла жизни, по Секацкому, означает либо изначальное отсутствие философского вкуса у размышляющего, либо его утрату по физиологическим причинам вследствие впадения в маразм. Непонятно только, почему автор ограничивается только персоналиями Лихачева и Лосева и забывает, например, про Хайдеггера, выносящего во главу своей самой известной работы «Бытие и время» [19] пресловутый вопрос «В чем смысл бытия?». Ведь именно Хайдеггер провозглашает, что сегодня «*вопрос о смысле бытия* надо поставить заново» [Там же, с. 1]. Кстати, на момент издания своей главной книги (1927 г.) Хайдеггер был еще сравнительно не старым 38-летним человеком. Следовательно, по логике Секацкого, он на тот момент перестал обладать философским вкусом, привитым ему Гуссерлем, т.е. внезапно сошел с ума (аналог впадения в маразм для зрелого возраста).

В целом, это очень удобная гипотеза, объясняющая, например, почему автор «Бытия и времени» восторженно воспринял приход к власти нацистов, опрометчиво назвав Гитлера «совестью немецкой нации». Впрочем, более правдоподобной нам представляется идея П. Бурдые о том, что «философия Хайдеггера могла быть не более чем *философской сублимацией* <...> политических или этических принципов, определивших присоединение философа к нацизму» [1, с. 18].

Пресловутый вопрос не обошел вниманием и Альбер Камю, утверждавший, что «есть лишь одна настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, - значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двадцатью категориями – второстепенно. Таковы условия игры: прежде всего нужно дать ответ» [6, с. 223]. На наш взгляд, вся экзистенциальная традиция в философии – от Кьеркегора до Сартра – обусловлена «маразматическими» (по Секацкому) попытками поиска ответа на вопрос о смысле жизни. Тем интереснее попытаться понять, в чем *объективный* смысл подобного вопрошания, поскольку отсутствие вкуса, маразм и Альцгеймер, и даже предлагаемое Секацким «жертвоприношение старцев во имя Логоса» [18] – *субъективные* смыслы.

В этой связи стоит задаться простым вопросом: почему вопрос о смысле бытия, который, по мнению Хайдеггера, «не давал передышки исследованию Платона и Аристотеля» [19, с. 2], в последующую эпоху безнадежно «заглох», так что сам Хайдеггер вынужден поставить его заново. При этом хотелось бы сразу терминологически определиться, разграничив вопросы о смысле *жизни* и смысле бытия *вообще*. Очевидно, что та «жизнь», о которой говорится в пресловутом вопросе о смысле жизни, не есть жизнь в биологическом ее понимании, как *бытие живого*, а представляет собой жизнь в экзистенциальном ее понимании, как *бытие человека*. Поэтому *формальнологически* вопрос о смысле жизни есть частный случай вопрошания о смысле бытия вообще. Но в *философском* плане эти два вопроса оказываются эквивалентными. «Сущее, анализ которого стоит как задача, это всегда мы сами. Бытие этого сущего *всегда мое*, - указывал Хайдеггер. – “Сущность” этого сущего лежит в его быть» [Там же, с. 41-42]. Действительно, каждый из нас *практически* имеет дело только со своим собственным бытием, а не с бытием Другого, которое может быть помыслено исключительно как теоретический конструкт. Я могу воспринимать Другое *онтически* как контактирующее со мною извне, но не онтологически, поскольку я не могу *быть* этим самым Другим.

Итак, почему же вопрос, волновавший философов античной эпохи, вдруг безнадежно заглох в эпоху христианскую? Потому что на него был найден *ответ*.

Как глубокомысленно констатировал древнегреческий мудрец Периандр: «Главное в жизни – конец» [16]. Конец жизни есть достижение (или не достижение) конечной цели человеческого существования, т.е. обретение (или не обретение) смысла этой самой жизни. Но что ждало древнего грека после его физической смерти? Прозабание в мрачном Аиде, о котором Ахиллес после смерти сказал Одиссею: «Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный! Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату у бедняка, мужика безнадельного, вечно работать, нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью» [2, Песнь XI, ст. 488-492].

Не удивительно, что при подобном раскладе перед античными мыслителями мрачно возникал вопрос о смысле жизненного пути, который, в конечном счете, все равно завершится абсолютным мраком и полной

безутешностью. По этому поводу Фалес Милетский как-то сказал, что «между жизнью и смертью нет никакой разницы. – “Почему же ты не умрешь?” - спросили его. “Именно поэтому”, - сказал Фалес» [4, с. 74]. Жизнь бессмысленна, но мы продолжаем жить ввиду отсутствия разумной альтернативы, потому что смерть, которой завершается жизнь, не менее бессмысленна.

Победа христианства, сокрушившего античную цивилизацию *изнутри*, во многом была обусловлена тем, что оно предельно просто и понятно решило проклятую проблему смысла человеческого существования. Спросите сегодняшнего христианина, в чем смысл жизни, и он односложно ответит: «В спасении!». Согласно христианству Аид (= Ад) – удел далеко не всех людей, а только грешников, т.е. тех, кто прожил свою жизнь неправильно. Праведники же, т.е. правильно прожившие жизнь, обретают Рай: новую, лучшую и, главное, вечную жизнь в единении с божеством. Аналогичным образом решается проблема смысла жизни и в исламе.

Особняком здесь стоит третья мировая религия – буддизм. Не случайно А. К. Секацкий указывает, что чаньских и дзенских наставников буддизма «достали бесконечные вопросы типа “что такое Будда?” и “как обрести просветление?” - уж, во всяком случае, не меньше, чем их сегодняшние аналоги насчет “горения”, “высокой духовности” и “мучительных поисков смысла”. Ответственный наставник, чтобы предотвратить подступающую самопрофанацию духовной практики, вынужден был отвечать “Будда – это дыра в отхожем месте”, или прибегать к помощи ударов палкой и подзатыльника. Ибо, поддавшись искушению ответить на дурацкий вопрос *выспренно*, например, “истина – это высокое служение людям”, ты совершаешь, тем самым, тройное предательство – себя, духовной практики и самой истины» [18].

Действительно, как указывают С. Чаттерджи и Д. Датта, «когда кто-нибудь задавал Будде метафизические вопросы о том, отлична ли душа от тела, бессмертна ли она, конечен или бесконечен мир, вечен он или не вечен и т.д., - он отказывался отвечать <...>. Самая настоятельная задача – положить конец несчастьям. Тот, кто посвящает себя теоретическим умствованиям о душе и мире, изнывая в то же время от страданий, поступает как глупец, который, вместо того чтобы попытаться немедленно извлечь вонзившуюся в его бок отравленную стрелу, размышляет о том, как была сделана эта стрела, кто ее сделал и кто ее пустил» [21, с. 121].

И все-таки буддизм, вопреки мнению Секацкого, столь же просто и односложно, как христианство и ислам, отвечает на вопрос о смысле жизни, который заключается в избавлении от страданий и выходе из пресловутого круга рождений и смертей. Своеобразие буддизма в этой связи заключается исключительно в том, что вопрос о смысле жизни переводится здесь из разряда метафизических в разряд *практических*. Но он однозначно решен, и в этом нет никакого сомнения.

Здесь приходит на память еще одно из замечаний Секацкого на предмет «реакции Лихачева – Лосева»: «Немаловажная нота печали, смешанной, впрочем, с протестом означает некое опасение: неужели и я стану таким? Неужто и меня покинут вкус, вменяемость, брезгливость, и проба на РЛЛ даст в свое время положительный результат? Очень ведь может быть, что не пронесут мимо меня чашу сию, ведь подарок судьбы, выпавший на долю Канта, или, скажем, Фрейда, не достался Лихачеву и Лосеву» [18]. Оставим в покое Фрейда и обратимся к Канту, который, как избранник богов, упоминается в работе Секацкого еще раз: «Именно то, что “Критика чистого разума”, одна из величайших книг европейской метафизики, *посвящена* ответу на вопрос “как возможно синтетическое суждение *a priori*?”, делает ее настольной книгой всех тех, кто знаком с философией не понаслышке. При этом Кант отнюдь не обходит молчанием вопрос о смысле жизни, он непосредственно рассматривает его в своей третьей критике. Рассмотрению данного вопроса предшествуют около тысячи страниц критической философии. Для всей немецкой классической философии вообще этот вопрос по порядку вопрошания есть *вопрос третьего тома* – не в этой ли достойной восхищения выдержке состоит непреходящая значимость немецкой классики?» [Там же].

Речь, по-видимому, идет о § 84 «Критики способности суждения», имеющем характерный заголовок «О конечной цели существования мира, т.е. самого творения», где автор утверждает, что «о человеке (а также и о каждом разумном существе в мире) как моральном существе уже нельзя спрашивать, для чего (*quem in finem*) он существует. Его существование имеет в себе самом высшую цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить всю природу, или по меньшей мере он не должен считать себя подчиненным какому бы то ни было влиянию природы, противодействующему этой цели» [7, с. 469].

В этом суть. Раз о человеке нельзя спрашивать, для чего он существует, то всякий вопрошающий об этом, по Секацкому, автоматически превращается в напыщенного глупца или маразматика. С другой стороны, Кант говорит, что существование человека «имеет в себе самом высшую цель», воспроизводя критикуемую в статье Секацкого «нулевую степень ответа», по поводу которой автор статьи замечает: «Формулировка “жизнь есть жизнь” представляет собой уклонение к нонсенсу во избежание абсурда; в этом направлении возникли даже свои шедевры, например, знаменитая анонимная строчка “жизнь такова, какова она есть, и больше не какова...”» [18].

На наш взгляд, отношение Канта к вопросу о смысле жизни амбивалентно, поскольку он жил в эпоху заката христианства и становления атеистической цивилизации Нового Времени. Именно поэтому Кант отделяется от вопроса о смысле жизни «нулевой степенью ответа», зато фактически завершает цикл своих «критик» работой «Религия в пределах только разума» (1793 г.), где, в частности, весьма вольно обсуждаются теологические вопросы. Например, в разделе «О лжеслужении Богу в статутарной религии» немецкий философ утверждает, что «единственно истинная религия не содержит в себе ничего, кроме законов, т.е. таких практических принципов, безусловную необходимость которых мы можем сознавать и которые, следовательно, мы признаем как откровенные в чистом разуме (не эмпирически)» [8, с. 393]. Не удивительно, что

подобные откровения 70-летнего философа вызвали неприятие у тогдашнего правителя Пруссии Фридриха II, которого напугала кантовская критика христианской догматики [3, с. 230].

По существу, в вопросе о бытии Бога Кант занимает теоретически единственно правильную, но практически бесплодную позицию, согласно которой означенное бытие нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Впрочем, еще Паскаль в своем знаменитом «пари» [9, с. 154-156], по сути дела, пришел к тому же самому. Однако, амбивалентная неопределенность, аристотелевская добродетель как середина между двумя пороками, не является устойчивым состоянием. Маятник, долгое время зависавший в одном крайнем положении, с необходимостью должен качнуться в другую крайность, к словам Ницше «Бог мертв» [20, с. 172-173]. А это значит, что предлагавшееся христианской религиозной традицией простое решение проблемы смысла жизни, по мнению атеистического Нового Времени, оказывается ошибочным. Последнее, очевидно, заставляет вернуться к прерванным за ненадобностью в начале христианской эры поискам, диалектически возобновляя печальную историю с чистого листа.

Тот же Ницше, которого Секацкий в своей статье относит к свободным умам [18], ставит на место Бога сверхчеловека [15, с. 8], впадая на этой почве не в метафизическое, а во вполне реальное безумие. «Маразм» не в том, чтобы отвергнуть традиционные, веками устоявшиеся ответы на вопрос о смысле жизни; «маразм» в том, чтобы предложить свой вариант ответа, тем самым, недвусмысленно заявляя, что я – ваш новый Бог. В Средние века нечто подобное осуществил безумный арабский философ Ибн Халладж, заявивший, что он, Халладж, и есть истина [5, с. 412]. В ответ на это его сначала посадили в темницу, а затем казнили как еретика. Насколько в этом смысле более гуманно наше постмодернистское время, когда аналогичных Халладжу безумцев ждет, в лучшем случае, осуждение «ответственных мыслителей», а в худшем, как Ницше, – сумасшедший дом.

Вернемся, однако, к обрисованной Секацким реакции Лихачева-Лосева (РЛЛ). Д. С. Лихачев, дожив до весьма преклонного возраста, обращается к подрастающему поколению с нравоучительными «Письмами о добром и прекрасном» [10]. В Письме пятом «В чем смысл жизни», он, в частности, указывает, что «можно по-разному определять цель своего существования, но цель должна быть — иначе будет не жизнь, а прозябание. <...> Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить. <...> Природа создавала человека много миллионов лет, пока не создала, и вот эту творческую, созидательную деятельность природы нужно, я думаю, уважать, нужно прожить жизнь с достоинством и прожить так, чтобы природа, работавшая над нашим созданием, не была обижена. Природа созидательна, она создала нас, поэтому мы должны в нашей жизни поддерживать эту созидательную тенденцию, творчество и ни в коем случае не поддерживать всего разрушительного, что есть в жизни. <...> Жизнь — прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной или ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто добрую атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. <...> Творчество — оно непрерывно. Так что жизнь — это и есть вечное созидание. Человек рождается и оставляет по себе память. Какую он оставит по себе память? Об этом нужно заботиться уже не только с определенного возраста, но, я думаю, с самого начала, так как человек может уйти в любой момент и в любой миг. И вот очень важно, какую память он о себе оставляет» [11].

В целом концепция смысла жизни Лихачева аккумулирует в себе три достаточно древних идеи. Первое — живи достойно, точнее, достойно умри, если вспомнить стоическую этику Сенеки. Второе — природа нас создала, поэтому не будем ее огорчать (пантеизм). И третье — надо оставить после себя хорошую память. Конечно, логические конструкции Лихачева онтологически наивны и не выдерживают серьезной критики. Достойная жизнь позитивнее недостойной, но только пока человек живет, наслаждаясь собой, либо негодуя на себя. Смерть уравнивает всех: и достойных, и не достойных. Следуя Лихачеву, можно возразить на это, что память об умерших у еще живых будет разная, но и это не в счет. Мертвых в лучшем случае эпизодически будут вспоминать их родные, но рано или поздно наступит время, когда даже о величайших умах человечества вспоминать будет уже некому. Наконец, идею творчества из боязни огорчить природу опровергают известные строки Маяковского: «Эй, вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду! Глухо. Вселенная спит, положив на лапу с клещами звезд огромное ухо» [14, с. 196].

Аналогичным образом обстоит дело и с концепцией смысла жизни у А. Ф. Лосева, изложенной им в виде размышлений в повести «Жизнь» [12]. «То, что рождает человека, и то, что поглощает его после его смерти, — рассуждает он, — есть единственная опора и смысл его существования. Было время, когда этого человека не было; и будет время, когда его не станет. Он промелькнул в жизни, и часто даже слишком незаметно. В чем же смысл его жизни и смерти? Только в том общем, в чем он был каким-то переходным пунктом. Если бессмысленно и это общее, бессмысленна и вся жизнь человека. И если осмысленно оно, это общее, осмысленна и жизнь человека. Но общее не может не быть для нас осмысленно. Оно — наша Родина. Значит, жизнь и смерть наша — не пустая и бессмысленная, жалкая пустота и ничтожество, но — жертва. В жертве сразу дано и наше человеческое ничтожество и слабость, и наше человеческое достоинство и сила. Гибнет моя жизнь, но растет и крепнет общая жизнь, поднимается и утверждается человеческое спасение; и страдания, слезы и отчаяние в прошлом залегают как нерушимый фундамент для будущей радости, а бессмыслица и тьма прожитой жизни отмирают и забываются как тяжелый и уже миновавший сон. Повторяю: или есть что-нибудь над нами родное, великое, светлое, общее для всех, интимно-интимно наше, внутреннейше наше, насущно и неизбывно наше, то есть Родина, или — жизнь наша бессмысленна, страдания наши неискупаемы, и рыданию человеческому не предстоит никакого конца» [13].

Чувствуется, что эти строки написаны талантливо и вдохновенно, с большой верой в сказанное. Это не просто дежурные нравоучения на предмет, ради чего нам надлежит жить, это – выстраданные убеждения. Так что в отношении Лосева не вполне ясен пафос А. К. Секацкого, относящего его рассуждения о смысле жизни к ведомству Паркинсона и Альцгеймера. Разве какой-нибудь «бедный маразматик» мог, например, написать следующие строки: «Человек умирает. Тот, кто не видит ничего кроме жизни, и кто ослеплен ее непосредственным явлением, тот переживает свою смерть как ужас, как трагедию, как бессмыслицу. Но тот, кто знает и любит то свое родное и всеобщее, которое его породило и теперь — со смертью — принимает его в свое лоно, тот считает свою смерть нужной и своевременной, тот рад жизненному труду, борьбе, страданиям и радостям, рад и тому, что так или иначе он выразил себя и выявил себя, так или иначе раскрыл, развернул свою природу, рад жизни и спокоен перед смертью, завершившей положенный ему судьбою удел. <...> Нет, кто любит свое родное, тот не умрет, тот будет вечно в нем жить и вместе с ним жить. И этой радости, этой великой радости достаточно для того, чтобы быть спокойным перед смертью и не убиваться над потерями в жизни. Кто любит, тот умирает спокойно. У кого есть Родина, тот, умирая если не за нее, то хотя бы – только в ней, на ней, умирает всегда уютно, как бы ребенок, засыпая в мягкой и теплой постельке, – хотя бы эта смерть была и в бою, хотя бы это и была смерть летчика, упавшего с километровой высоты на каменистую землю. Только Родина дает внутренний уют, ибо все родное – уютно, и только уют есть преодоление судьбы и смерти» [Там же].

По сути дела, однако, А. Ф. Лосев талантливо переосмыслил лапидарную этическую формулу советского периода российской истории, согласно которой смысл жизни советского человека заключается в построении коммунизма. Увы, просветительский прогрессизм, с позиций сегодняшнего дня, представляется еще одной иллюзией в череде высмеиваемых Секацким «мучительных поисков смысла». Прав оказался не Маркс с его мировым коммунистическим сообществом, а Шпенглер с «Закатом Европы» [22]. Любая Родина, как бы мы ее не любили, рано или поздно повторит судьбу Древнего Рима. Что же касается людского рода в целом, то и его существование временно, а грядущий апокалипсис — наиболее трезвая из всех онтологических интуиций человечества. Даже Вселенная, возникшая 13 миллиардов лет назад в результате «Большого взрыва» в силу своей конечности, как и все в ней, обречена на исчезновение.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что смыслоискательство мыслителей постхристианской эпохи, оказавшихся в ситуации смыслового вакуума, психологически вполне оправдано, но все без исключения конструкции, возникающие в результате «мучительных поисков», онтологически некорректны. Означенная ситуация подозрительно напоминает мучительные попытки конструирования вечных двигателей, изобретатели которых так допекли «ответственных мыслителей» из Французской академии наук, что это уважаемое учреждение на каком-то этапе вообще отказалось рассматривать соответствующие проекты. Безумец, который сегодня рискнет предложить проект очередного вечного двигателя, может вызвать у окружающих только две реакции: либо его сочтут жуликом, в очередной раз пытающимся обмануть доверчивых граждан, либо примут его за глупца, маразматика или, того хуже, за шизофреника, одержимого манией изобретательства.

Нам представляется, что именно тема подспудного интеллектуального подлога (а не маразма) подвигла А. К. Секацкого к заключительному пассажи эссе о смысле вопроса «В чем смысл жизни?»: «Ибо, какие высокопарные речи о духовных исканиях не звучали бы из уст вдохновленных пифий, содержание послания раскрывается без особого труда: проживи эту жизнь *достойно*, и тогда ты станешь таким, как мы. Для субъекта, сохраняющего полноту вмещающей это, конечно же, означает одно из двух. Либо в жизни вообще нет никакого смысла. Либо засуньте *этот ваш* смысл себе в задницу» [18].

Завершая аналогию между смыслоискательством и изобретательством вечных двигателей, можно вспомнить, что классическая термодинамика или учение о теплоте имеет в качестве своего основания два начала, каждое из которых запрещает существование вечных двигателей, соответственно, первого и второго рода. Именно отказ от идеи *абсолютного* двигателя существенно инициировал конструирование двигателей *относительных*, таких как паровая машина или двигатели внутреннего сгорания. Аналогичным образом единственно правильный ответ на вопрос о смысле жизни давно известен и, можно сказать, лежит на поверхности. Подобно тому, как невозможно построить вечный двигатель, невозможно найти и смысл человеческой жизни. Потому что **его нет**. Смысл может быть только во времени, но не в вечности, поэтому осмысленно и достойно можно прожить только какой-либо локальный отрезок жизни, ставя на нем осмысленные цели и достигая адекватных им результатов.

Не случайно Ницше сравнил человека не только с канатом над бездной, но и с канатным плясуном [15, с. 12-13], который, в конечном счете, сваливается с каната и умирает. Жизнь – это танец смерти, где каждое движение может оказаться последним. Жизнь – это также шахматная партия, которую нельзя выиграть. Однако битва, изначально проигранная стратегически, может включать в себя серию тактических побед, как у Пирра, Ганнибала и Наполеона. Так что, вопреки Фалесу, между жизнью и смертью есть разница: каждый из еще живущих абсурдно надеется победить смерть. В этом смысле классики экзистенциальной философии – Кьеркегор, Хайдеггер, Сартр и Камю – продвинулись в понимании смысла вопроса о смысле жизни гораздо дальше Канта, Фрейда и прочих «ответственных мыслителей»: жизнь, осмысленная в своих частях, абсурдна как целое. *Существование возможно только как сумасшествие*. При этом бессмысленно существующий индивид по большей части ответственно мыслит онтически, онтологически оставаясь в рамках своего безумия.

Основные выводы настоящего исследования:

1. Вопрос о смысле жизни, являвшийся, по Хайдеггеру одним из важнейших вопросов в рамках античной философской традиции, приходит в забвение в Средние века, главным образом потому, что мировые религии Средневековья дали на него четкие ответы, опосредованные авторитетами соответствующих божеств.

2. В Новое время в рамках западной цивилизации утверждается научно-атеистическое восприятие мира, что, в частности, находит свое выражение в словах Ницше «Бог мертв»; последнее обстоятельство вновь инициирует забытые со времен античности попытки поиска смысла жизни, но уже на рационально-атеистической основе.

3. Субъективное неприятие подобного рода поисков современными философами, такими как А. К. Секацкий, продолжающими феноменологическую традицию философствования, связано с тем обстоятельством, что мыслитель, позитивно решающий сегодня вопрос о смысле жизни, пытается занять позицию, которая в рамках предшествующей религиозной традиции решения данного вопроса отводилась Богу, т.е. выступать от имени Бога, что представляет собой очевидное безумие.

4. Объективное неприятие вопроса о смысле жизни современными феноменологами, на наш взгляд, связано с осознанием того, что человеческая жизнь в своей основе бессмысленна, как бессмысленно любое существование. По этой причине позитивное решение вопроса о смысле жизни оказывается равнозначным мошенничеству.

5. Негативное решение вопроса о смысле жизни, будучи правильно понятым, может дать значительный позитивный эффект, подобно тому, как это имело место в классической термодинамике, постулировавшей невозможность существования вечного (т.е. абсолютного) двигателя. Человек бессилён сделать свою жизнь осмысленной как целое, но в его силах сделать ее осмысленной *в частях*. На наш взгляд, обыденное существование Канта, его *жизние*, учит именно этому.

Список литературы

1. **Бурдые П.** Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. с франц. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. М.: Праксис, 2003. 272 с.
2. **Гомер.** Одиссея / пер. В. В. Вересаева. М. – Л.: ГИХЛ, 1953. 317 с.
3. **Гулыга А. В.** Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. 304 с.
4. **Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.
5. **Идрис Шах.** Суфизм. М.: Клышников; Комаров и К^о, 1994. 448 с.
6. **Камю А.** Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 222-318.
7. **Кант И.** Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. 564 с.
8. **Кант И.** Трактаты. СПб.: Наука, 1996. 552 с.
9. **Ларошфуко Ф. де.** Максимумы. **Паскаль Б.** Мысли. **Лабрюйер Ж. де.** Характеры. М.: Художественная литература, 1974. 544 с.
10. **Лихачев Д. С.** Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1985. 208 с.
11. **Лихачев Д. С.** Письма о добром и прекрасном [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthgymn.ru/publish/likhachev/khrestomatia/letters/05.php> (дата обращения: 12.01.2013).
12. **Лосев А. Ф.** Жизнь (повести, рассказы, письма). СПб.: АО «Комплект», 1993. 536 с.
13. **Лосев А. Ф.** Жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/LOSEW/life.txt> (дата обращения: 12.01.2013).
14. **Маяковский В. В.** Полное собр. сочинений: в 13-ти т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912-1917 гг. / подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна; ред. З. Паперный. 464 с.
15. **Ницше Ф.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
16. **Периандр** [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Периандр> (дата обращения: 12.01.2013).
17. **Секацкий А. К.** Изыскания: статьи, эссе. СПб.: Лимбус Пресс; ООО «Издательство К. Тублина», 2009. 400 с.
18. **Секацкий А. К.** Смысл вопроса «В чем смысл жизни?» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.windowsfaq.ru/content/view/665/98/> (дата обращения: 12.01.2013).
19. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
20. **Хайдеггер М.** Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. М.: Гнозис, 1993. С. 168–217.
21. **Чаттерджи С., Датта Д.** Индийская философия / пер. с англ. М.: Селена, 1994. 416 с.
22. **Шпенглер О.** Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории: гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.

ONCE MORE ABOUT THE MEANING OF THE QUESTION “WHAT IS THE MEANING OF LIFE?”

Filatov Timur Valentinovich, Doctor in Philosophy, Professor
Volga Region State University of Telecommunications and Informatics
tfilatoff1960@mail.ru

The author presents the critical analysis of the meaning conception of the question “What is the meaning of life?” proposed by A. K. Sekatskii, and comes to the conclusion that negative attitude to the problem of the meaning of life in modern phenomenological philosophy is associated with the realization of the objective lack of the mentioned meaning, which is accompanied by understanding the irrelevance of any positive answers to the relevant question.

Key words and phrases: meaning of life; death; “reaction of Likhachev – Losev” (RLL); question of existence meaning; Christian “salvation”; Nietzsche’s words “God is dead”; ontic and ontological.